

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Стратегии концептуализации телесности языка

Ветушинский Александр Сергеевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: sanitys@mail.ru

Актуальность проблемы телесности языка связана с неклассическим способом философствования, основы которого заложили Ницше, Фрейд и Маркс. Важным направлением предложенной стратегии является проект детрансцендентализации, ставящий перед собой задачу мыслить без апелляции к миру Идей, Абсолюту, третьему миру и пр. Таким образом, интерес к проблеме телесности языка связан с критикой отношения к языку как к некоторой абстрактной сущности, философскому божеству, пребывающему в отрыве от «реальности». Однако, детрансцендентализация не значит натурализация. Телесность языка – это не просто амплитуда звука или буквы в книге, и даже не человеческое тело, но нечто, что позволяет языку вообще быть. Язык обладает своим собственным телом, причем обладает так, что производит (и не может не производить) телесные эффекты. Ведь если язык был бы идеальной абстракцией, в пределе с ним можно было бы делать все, что угодно. Но язык, будучи воплощенным, способен оказывать сопротивление.

Концептуализации телесности языка условно могут быть разделены на три группы: психоаналитическую, экзистенциальную и постструктуралистскую.

Уже в начале XX века Зигмунд Фрейд заявил, что «психика протянута, но ничего не знает об этом» [цит. по Нанси, с. 45]. Эти слова открывали возможность говорения о телесности не только психики, но и, к примеру, языка. Однако, ни Фрейд, ни Лакан не сделали этого шага. К тому же, тело понималось ими преимущественно как человеческое тело. Но, несмотря на это, эффекты языка в психоанализе с самого начала рассматривались, как обладающие своей плотностью, реальностью и локальностью («ляпсус лингве», архетипические сцепления символов сновидений, симптомы и фантазмы). Кроме этого, исходя из триады Воображаемое–Символическое–Реальное, Лакан обратил внимание на невозможность выразить сопротивляющееся любому означиванию тело. Ведь тело принадлежит Реальному, а язык – Символическому. Поэтому попытка подобрать телу языковое выражение приводит к тому, что на место тела приходит его понятие/образ. Тело, таким образом, оказывается пугающим остатком/избытком Реального. Реальное же в самом Символическом психоаналитики искать не отважились.

В рамках экзистенциального подхода тело перестает пониматься натуралистично. Для мыслителей данной группы большой значимостью начинают обладать такие продолжения человеческого тела, как инструмент для музыканта или трость для слепого (это уже не предметы, используемые телом, но само тело). В этом смысле и какой-то конкретный язык является продолжением конкретного человеческого тела. Ведь подобно тому, как, глядя на предмет, мы знаем, можем ли мы его схватить рукой, так же мы пользуемся и языком, будь то призыв далекому товарищу или участие в разговоре. Однако язык как таковой, то есть язык, «видимый отовсюду» [Мерло-Понти,

с. 103], обладает своей телесностью, понимаемой как опыт языка в мире. Таким образом, отношения между человеком и языком являются конфликтными отношениями. Ведь как увидеть то, что является условием видения? А видеть, как говорит Сартр, значит обладать. Выходит, что человек обладает языком, а язык человеком. Человек дает бытие языку, а язык – бытие человеку. Именно в этом взаимодействии человека и языка можно усмотреть причины, по которым Хайдеггер ставит человека в просвет Бытия, говоря при этом, что человек существует «прежде всего в языке и при языке» [Хайдеггер, с. 359]. Однако, именно эта двусторонность языка и человека мешает увидеть телесность языка, отсылая к показу не тела, но смысла. У Мамардашвили, который отмечает, что столкнуться с телом означает понять, что есть нечто значительно большее или меньшее, чем мыслитель может схватить в рациональных размышлениях. Тело есть территория, а не карта. Поэтому для Мамардашвили телом языка является некоторая плотность, которая позволяет чему-то сойтись, позволяя за набором букв и потоком звука прочувствовать явление языка в мир. Однако, язык телесен не только в случае, когда что-то сошлось, но и тогда, когда не сошлось. Так мы переходим к третьей группе мыслителей.

Для них характерным является окончательный разрыв со значимостью смысла при попытке прикоснуться к телесности языка. Делез, например, противопоставляет тело и организм. Организмом является вся видимая часть языка, все то, с чем мы сталкиваемся в грамматиках и философских концепциях. Язык – не более, чем еще один орган, организованный и приведенный в определенный порядок по всем законам машинного производства. Однако, ни одно машинное производство не может функционировать без брака. Браком в данном случае может выступать как потеря конкретного слова, так и потеря языка. Брак свидетельствует о том, что производство встретилось с анти-производством, поверхностью интенсивностей, называемой телом без органов. Тело без органов языка – предел языка, где язык уже перестает быть языком в некотором практическом смысле этого слова. Причем, как говорит Делез, тело без органов – не концепт, но практика. Но кому нужна практика, к тому же немислимая? Ситуация такова, что «выдуманное почти заменило и уничтожило данное» [Кампер, с. 48]. Но как мыслить телесность языка, если сказать или написать означает расстаться с телом? Нанси говорит, что тело необходимо не писать, но выписывать, не казать, но выказывать. Ведь написать означает означить, впустить смысл. Но тело – «это не выставление напоказ того, что с самого начала было спрятано». «Здесь показ есть само бытие (иначе говоря: существование)» [Нанси, с. 60]. Это мир, над которым ничто не возвышается и который ничто не подпирает. Чтобы коснуться тела языка, необходимо отбросить то бестелесное, что делает язык языком. И дело не в невыразимости языка, служащей делу слова более высокого и более благородного, но в том, чтобы дать молчать тому, что и так молчит.

Таким образом, телесность языка, исчезающая из горизонта концептуального видения, исчезает именно потому, что человек в принципе не может видеть бессмысленное. Язык устроен так, что с целью видения отсутствия, необходимо представить присутствие этого отсутствия. Язык заточен под говорение о наличном. Именно поэтому язык предстает не как нечто самоценное, но как викарий смысла.

Литература

1. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль. СПб., 2010.

Конференция «Ломоносов 2011»

2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
3. Нанси Ж.-Л. Corpus. М., 1999.
4. Хайдеггер М. Путь к языку. СПб., 2007.